

Забылись боли и тревоги,
и жить да жить бы ровно мне,
но взял сошел с пути-дороги,
завидев свет в твоём окне, –
еще не зная, что приветят
меня столь позднею порой...

И вот уж как бы нет поэта,
а есть лирический герой.
Герой блистательно играет
уже усвоенную роль.
Хозяйка умиленно тает –
какой явился принц-король!
Ну что же! Если разобраться,
герой на то он и герой,
чтоб упоенно увлекаться
извечной этою игрой.
Мы в нем заметим, безусловно,
черты героев многих стран,
в его богатой родословной
и Дон Кихот, и Дон Жуан.
Подобно им в своих мечтаньях
невесть он что вообразит,
возьмет ударится в скитанья
и полстраны исколесит.
Прекрасный образ ищет, ищет
с неуголенной душой –

и оставляет пепелище,
мечты сжигая за собой.
Смотри же в оба! Как охмурит –
нежданный выйдет поворот:
развеселит, набедокурит
и за недорого возьмет.
Потом бессонными ночами
ты станешь горько слезы лить.
К чему тебе его речами
так безрассудно дорожить?
Зачем тебе такой залетный,
весь занятой самим собой,
сиеминутный, мимолетный,
такой соколик дорогой?..
Ты не забыла о кумирах
героя – гостя своего?
Они в блужданиях по миру
чего добились, ну, чего?

Кихот в порыве благородном
добро повсюду насаждал
и каждый подвиг бесподобный
он даме сердца посвящал.
Кихота поднимало на смех,
когда поглубже мы копнем,
добро, содеянное наспех
и подкрепленное копьем.
Где зло под призраки рядится,
там в этой призрачной борьбе
не обрести, как говорится,
ни людям счастья, ни себе.
А если дона взять другого,
кто был пригож и к дамам вхож, –
и про соколика такого
мы скажем: «Тоже гусь хорош!..»
На что тебе он только сдался?
Ты на него глаза раскрой!
Каким он был, таким остался
литературный наш герой.

Нет, не таким, чуть обозначился.
Теперь он уж не тот орел –
поизмельчал, поиздержался,
поблек престижный ореол.
В его карманах ветер свищет,
не знает сам, куда спешит.
«Увы, он счастья не ищет
и не от счастья бежит».
Но я признаюсь перед небом,
он в существо мое проник.
По-здравому, не нужен мне бы
такой вот с вывертом двойник.
Давно желанного покоя
нет ни во сне, ни наяву.
Когда же сердце успокою
и ровной жизнью заживу?
То вдруг швыряет вниз с откоса,
то вдруг безудержно в зенит.
Он мне, как створ в бездонный космос,
дыханьем темя леденит.
Он мне – как рана в грудь сквозная
мечом в невидимом бою.
Пускай хоть и на кущи рая
я не сменю судьбу свою –
на что, на что напасть такая
на долю выпала мою!
Когда бы мог, я с ним расстался.
На что тебе такой он сдался?!

«На что? На что?..» Пора б, приятель,
вопрос наивный позабыть
и рассуждать, как обыватель,
и даже хуже, может быть.
Хотя отмечу – браво, браво! –
сказал неплохо ты про них.
Но все же, рассуждая здраво,
ты в смысл глубинный не проник.
Жуан – кумир дурного толка, –
твердит расхожая молва.
Молва известна. Да вот только
навряд ли до конца права...
К чему так сердце бедовало,
когда спокойно жить он мог,
зачем он в жажде идеала
себя на странствия обрек,
и, вечно мыкаясь по свету,
зачем он сердце иссушил?..
На все «зачем» сумев ответить,
я б тайну жизни разрешил.

Кихот – мудрец в обличье странном –
прекрасный образ не искал,
ведь он, в отличие от Жуана,
нашел для сердца идеал.
Хотя не дважды и не трижды
он в битвах попадал впросак –

упрямый исправитель кривды
не зря в умах и на устах.
Да, я горжусь, что их потомок,
литературная родня.
Твои нападки из потемок
немного значат для меня.
Да, я поблек, поиздержался,
поскольку в этой вот стране,
где я на горе задержался,
моя персона не в цене.

Но нет! Не роль я тут играю,
как ты подумал обо мне, –
от безысходности спасаю
тебя я в собственной стране.
Пусть не обласканы судьбою,
но и не сломлены бедой,
так и живем сами собою –
все ты да я, да мы с тобой!
Давай-ка препираться бросим,
прервем течение речей,
а лучше у хозяйки спросим –
ей кто из нас двоих милей?

– Не спорьте, мальчишки! Вы оба,
признаться, очень хороши:
с одним готова жить до гроба,
другой бесценен для души.
Да жаль вот – для души бесценный
земных не ведает забот,
в толкучке нашей повседневной
не признает земных хлопот.
Другой же, с кем могла я спеться
и жить в согласии, любя, –
тот, зная, с неутоленным сердцем
все ищет Музу для себя...

Я поражен!.. Он вновь без боя
извечный подвиг повторил –
он заслонил меня собою
и сердце дамы покорил!
Ответ хозяйки чуть туманный,
хоть деликатен, но суров:
не я, не я душе желанный!
Я третий лишний!.. И без слов
прочь, прочь по кочкам и по ямам,
закрыв неслышно двери в дом!..

Хромая плоскостопным ямбом,
волнуясь сердцем и стихом,
собак насевших разгоняя,
бреду домой тропой кривой!..

И вся Вселенная сияет,
как нимб, над бедной головой!..